

Дмитрий Фурманов

# Драма Луши



# Дмитрий Андреевич Фурманов

## Драма Луши

*Текст предоставлен правообладателем.  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=5735774](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5735774)*

### Аннотация

«...Петруша схоронил отца и дал клятву разыскать негодяев. Он больше года работал агентом розыска, исполосовал все горные склоны и ущелья, все хотелось попасть на след. И попал, – в ауле Чуй-Дан увидел он однажды красавца-жеребца. Дальше больше, – оказалось, что он принадлежит Ахмет-Бею, известному джигиту, конокраду, убийце, налетчику. Осторожно, медленно разузнавал все Петруша и, когда дело стало ясно, арестовал Ахмета, а с ним и соучастника, повел их горами, а там Ахмету собственноручно – не пулю, нет – кинжал всадил в грудь и был счастлив, что отомстил за покойника отца...»

# Дмитрий Андреевич Фурманов Драма Луши

**(Из неопубликованного наследства)**

Арина Сергеевна, Лушина мать, – редкая женщина. Когда я прихожу и вижу ее в семье, – вижу, как ее любят и за дело любят ребята. Она с ними так ласкова, добра, что в каждом слове, взгляде, движении чувствуется у ней эта материнская глубокая любовь. Она все время хлопочет, что-нибудь делает, куда-нибудь за чем-нибудь торопится. Арину Сергеевну невозможно ничем вывести из ровного, ласково-тихого, про-светительного состояния. Она всегда одинакова. И знаешь всегда заранее, как она отнесется к каждому делу, к каждому поступку – неизменно внимательно, сочувственно, заботливо. Одета она тоже всегда одинаково – в дешевеньком, белом ситцевом платье. А голова открытая, – гладко прибра-ны мягкие жидкие волосики. Лицо бледное, желтое, нездо-ровое, – она все время прихварывает, но никогда не жалуется, не плачется, только притихнет, станет еще более кроткая и ласковая, – лежит и молчит долгие дни. Тогда ребята уже неотлучно у ее постели. Они то и дело приносят ей что-ни-

будь, подают, поправляют, рассыпаются в разные стороны с тем, чтобы через минутку прибежать вновь. А она то одному, то другому положит руку на голову и молча смотрит-смотрит в лицо, словно прощается. Сам Алексей Павлыч тогда хмур и строг. Он молча ходит из комнаты в комнату и непрерывно бросает косые взгляды в сторону больной. А подходя спрашивает кротко и будто сердито:

– Ну, как?

– Получше, Алеша, – ответит тихо жена.

И он отойдет, снова без цели ходит по комнатам, переключая, переставляя, рассматривая родные вещицы.

Последний раз Арина Сергеевна трудно заболела; две недели не вставала с постели, исхудала, выжелтела, – уж думали, и не встанет. Луше долго не говорили ничего – знали, что сама она после недавней драмы не оправилась еще, как следует. Но не вытерпели наконец, дали телеграмму:

– Луша! мама тяжело больна. Немедленно приезжай.

Теперь Луша была далеко, где-то в Дагестане, – она уехала туда к своему жениху, а теперь – мужу.

И Луша приехала. Исстрадалась за долгий путь, ехала шесть суток в горячке, на валерьянке, с примочками, в слезах, – около ее изголовья стоял и сидел неизменно Петр Васильевич, муж – он так любил свою Лушу, и уже не раз покаялся теперь, что показал телеграмму.

Надо было просто сказать: поедем, Луша, навестим стариков, да и я им покажусь, – не видали они меня. Собрались

бы тихо, спокойно, ехали бы спокойно дороге, а теперь...

Но делать было нечего. Поздно спохватился Петруша. Он свою работу окончил как раз перед отъездом, а работал он в розыске и пошел туда лишь с определенной целью – отыскать убийц своего отца.

Года два назад, его отца, – большого любителя кровных рысаков, – среди бела дня на Рождестве два бандита остановили в городе, впрыгнули в саночки, задушили башлыком и труп бросили в горную реку. Следов никаких. Рысака угнали. Труп выкинуло на камни. Петруша схоронил отца и дал клятву разыскать негодяев. Он больше года работал агентом розыска, исполосовал все горные склоны и ущелья, все хотелось попасть на след. И попал, – в ауле Чуй-Дан увидел он однажды красавца-жеребца. Дальше больше, – оказалось, что он принадлежит Ахмет-Бею, известному джигиту, конокраду, убийце, налетчику. Осторожно, медленно разузнавал все Петруша и, когда дело стало ясно, арестовал Ахмета, а с ним и соучастника, повел их горами, а там Ахмету собственоручно – не пулю, нет – кинжал всадил в грудь и был счастлив, что отомстил за покойника отца. Глядя на лицо его, – не скажете, чтобы у Петруши хватило духу на убийство, а меж тем он решительный и крутой парень, – один пускается на двух вооруженных джигитов. Глаза его черны, налиты страстью, но смотрят спокойно, почти кротко. Голос тих, движения ровны, разговор даже несколько неуверенный, словно все время он стесняется, боится сказать глупость среди ум-

ных.

К нему, два месяца назад, и уехала Луша, рассказала ему все, он понял, даже и прощать не стал, промолчал, а сказал только:

– Мало ли что бывает, Луша. У меня может и хуже еще было...

Луша впервые встретила его года два назад, здесь же в Туле, глухом городке. Стала, было, привязываться, но Петрушу вдруг семья вызвала на родину после убийства отца, и сближение его с Лушей не состоялось. Но он звал ее к себе, сулил счастье, а она все не решалась ехать этакую даль. Признаться, и Арина Сергеевна все плакала и слезами удерживала ее. Но Луше 22 года, она мне сколько раз говорила, что со страхом сознает, как уходит юность, как она может быть и мужа себе никогда не сыщет, как останется старой девой...

Думала-думала и решила ехать к Петруше. Собрала уже вещи, запаковалась, – завтра уезжать.

Она работала в тресте. Пришла к бухгалтеру толковать относительно отъезда, денег, прочего, а он ей:

– Лушенька... И что вам ехать такую даль... В неизвестность. Сами говорите, что и жениха-то своего путем не знаете – как же можно в жизни так головой в омут бросаться? – не надо этого, не надо, не делайте. Надо вам человека верного, хорошего, чтобы знали, видели вы его, а сомненья чтобы на счет его – ни-ни... Так неосторожно молодой девушке никак нельзя. Сядьте-ка сюда поближе. Я давно хотел вам сказать,

вот и в прошлый раз, как провожал – хотел, да духу не хватило, ну а теперь все равно – вы уезжаете, и если обидитесь, увезете далеко с собой обиду на меня. А вы лучше, милая детка, не обижайтесь – я вам от сердца: – Не ездите-ка вы к этому... на Кавказ... чего там – давайте жить со мной...

Луша раскрыла широко глаза и недоуменно, молча, смотрела на Грошева, фамилия бухгалтера Грошев. А потом:

– Что вы, Павел Павлыч?! Да что вы?!.

– А вы послушайте... вы дослушайте, детка, меня до конца... Я вам ведь от сердца... Человек я уже немолодой, мне – 40 (ему было 46), я – не мальчик, и потому, как я полюбил вас, я давно это собирался...

– Да вы же женаты, Пал Палыч?..

– А и нет, вот я и не женат, ошиблись вы, вовсе я и не женат...

– Как не женаты, да тут все у нас говорят, что 15 лет...

– Не-не-не... Нет, детка. Вы ничего в этом деле не знаете, – это так просто... Можно сказать, что и вовсе даже нет ничего... Есть одна, но это вовсе чужая женщина, а с вами я по-настоящему думал, с полным моим счастьем – вот как... И про счастье вы уже не беспокойтесь, я знаю откуда его достать...

– Жалованье мое, как знаете, 25 червончиков составляют. Да другие есть. И, кроме того, все есть. И лошадка есть, – хватит вам и покататься, и себя показать... А уж я-то, я-то, как любить да холить, беречь вас стану, мою голубушку,

уж я-то!.. Полноте, не ездите вы к этому своему, – ну его там... Оставайтесь-ка, да подумайте... И родителям вашим бедным за моей спиной хорошо будет... Это тоже опять же статья...

Луша слушала слова его испуганная, растерянная, не знала как на них отозваться, что ему сказать в ответ. И сразу пропал далекий образ Петруши, – она ведь его не любила, а здесь такая сразу близкая складывалась и хорошая жизнь... Нет-нет, не надо, – гнала она искушенья, а между тем чувствовала, что уж милей стал ей после этих слов Павел Павлыч и нет ничего оскорбительного в словах его, даже наоборот... Она не дала ему никакого ответа ни в этот день, ни в следующий; о разговоре своем с Грошевым никому не сказала, а все думала, думала... Грошев теперь целые дни, после занятий, проводил с Лушей: провожал ее на лошади почти до самого дому, вечером шли в театр, гуляли...

И все эти ласковые, ласковые речи.

Увязанные корзинки стояли в углах, Арина Сергеевна уж не один раз спрашивала.

– Ну, когда надумала ехать-то, Луша?

– Да вот с работой пока, – лгала Луша, не глядя матери в лицо.

А та и думать ничего не думала. Всему верила, каждому слову.

И, наконец, Луша не пришла однажды домой ночевать. Арина Сергеевна полагала, что она пошла к какой-нибудь из



подруг. Нет вторую ночь. На утро сынишку послала Арина Сергеевна к Луше на службу.

И Луша ответила:

– Не ожидайте, я с Павлом Павлычем жить стану.

Старики так и ахнули, – они знали Грошева за горчайшего пьяницу и буяна. Но что же, что же делать-то?

И Арина Сергеевна пошла навестить дочку на новом жилище. Пришла с вечера – Луша одна. Сидит и глаза в слезах.

– А сам-то где? – спросила.

– Не знаю, – говорит Луша и залилась, заплакала. – Пьет где-нибудь. Он теперь каждый день пьет... Так прямо с работы... А ночью вот приедет пьяный... Одну недельку посидел рядом со мной... Ах, мама, мама!..

И на груди у матери она разрыдалась в бурной истерике.

Осталась Арина Сергеевна ночевать, и вот часа в четыре слышит громкий стук: явился сам. Пальто распахнуто, шапка на затылке, слиплись глаза на пьяном обрюзглом лице, пеплом измазаны мясистые губы и заплевана борода. Из всех карманов бутылки торчат.

Первым делом выхватил он их, брякнул на стол, закричал:

– Эй, Луша, подымайся!

Вышла Луша из спальни бледная, заплаканная:

– Что ты, Паша?..

– Пей, Лушка!..

– Да что ты, Паша, ты бы...

– Пей, Лушка... пей говорю!..

– Ты же знаешь – я не пью...

– Ах, не пьешь, сука?.. Выпить со мной не хочешь, а со студентами...

– Какими студентами?

– Знаю, знаю, все знаю... У... стерва, гадость этакая!..

– И он единым духом сшиб со стола все бутылки, а потом застучал кулачищами, стал грозить, и вдруг на диване увидел Арину Сергеевну:

– Ты што здесь?

Старушка промолчала, перепуганная, не знала что отвечать...

– А, мать? Знаю мать... Ну, здравствуй, мамаша, поди поцелуй меня...

– Павел Павлыч, вы бы спать...

– Ага, – заревел он, – и ты не хочешь?.. Поцеловать меня не хочешь?.. Так... Э-эх, сукины дети, – ударил он кулаком по залитому вином столу, усеянному осколками разбитых стаканов.

Руку распорол в кровь и, глянув на нее, распоротую, окровавленную, вдруг утих.

Луша сейчас же стала ему завязывать тряпкой, а Грошев все целовал, целовал ее в голову, пока не подвели его к дивану. Ткнулся одетый, быстро уснул, мерзко-пьяно расхрапелся.

– Что это, Лушенька? – с тревогой спросила Арина Сергеевна дочь, указывая на Пал Палыча...

– А это, мама, на именинах он... случайно... Это ничего... Вы не обижайтесь; когда трезвый, – он хороший.

Всю ночь не спала – проплакала Арина Сергеевна, плакала и Луша. Но не разговаривали больше. Обе молчали.

В другой раз как-то зашла Арина Сергеевна, а он ночью снова пьяный.

– Сашка, Сашка! – кричит девчонку-прислугу, – что у тебя, подлая, лампадка не зажжена?

Девчушка, было, за лампадку, а он стук ей по затылку. Выхватил лампадку от иконы, да плесь ей в лицо остатками масла.

– Живо, дрянь поганая!

И когда девочка налила, зажгла:

– Сашка, молись! – скомандовал он.

Девочка робко зашевелила пальцами по лбу, по плечам, по животу.

– Да не так, со слезой, гадина!

Девчушка растерялась окончательно, и смешно, так жалостно, зашмыгала носом...

– На колени! – ревел Грошев.

Девчушка кувырнулась на колени.

– В поклоны! Да крепче лбом по полу стучи, сука!

– Оставь, Павлуша, оставь! – подошла, было, Луша и взяла его за руку...

– Прочь, Лушка, прочь!.. А ну сама молиться! С Сашкой...

– Павлуша, подумай...

– Молиться! сейчас же! – бросился он на нее с кулаками.

Оробевшая бледная Луша задрожала вся, зашептала:

– Господи Иисусе, господи Иисусе...

Арина Сергеевна спряталась за шкаф, не показывалась, пока не уснул Грошев, растянувшись прямо на полу.

– Лушенька, что ты с таким зверем жить остаешься? Уйди от него, уйди! Загубит в конец он тебя, окаянный, – шептала мать рыдающей Луше... Уйди, что ты!..

– Как я, мама, уйду... Не могу я... Завтра вот встанет, заласкает меня, и все то, все прощу я ему. Привыкла уж, привязалась...

– Какой привыкла, слезы одни...

Это сейчас слезы, мама... А завтра я не буду... Он и прощенья во всем попросит. – Не буду, – говорит, – Луша, больше никогда, прости ты меня! – и сам заплачет. – Обидел я тебя...

– Ну и забуду все, прощу... И отец-то... куда я пойду... разве он примет теперь меня такую?

– Примет, Луша, примет, – плакала и Арина Сергеевна, – я поговорю с ним, примет.

Обе уснули в слезах, а на утро Грошев долго плакал у Луши в комнате и вышел почтительно смущенный к Арине Сергеевне, даже руку ей поцеловал. Только в этот же день снова не явился. А ночью так разбуйствовался, окна начал бить, весь двор поднял на ноги, с револьвером бегал за Лу-

шей, грозился убить. Она выскочила на двор, а там хозяин Телятников:

– Я не могу, – говорит, – этого дольше выносить, всех детей перепугал ваш озорник, побегу за милицией.

И через пять минут действительно пришел милиционер, факты были все налицо, по комнатам валялась перебитая посуда, мебель разная, на кухне ведра, перекувырнутые кадучки, выбитые стекла, – все говорило о свежем буйстве.

Грошева увели, посадили. А на утро выпустили. Пришел домой, сел молча, слова Луше не сказал, только на диване все лежал с открытыми глазами. А потом поднялся к хозяину:

– Пошумел, – говорит, – Клим Климыч я ночью-то... Вы уж простите! Я слышал, на суд вы там хотите... Полноте-ка, Клим Климыч, пустое это, с кем греха не бывает. Я лучше – знаете что? – вам и забор-то пришлю починить сегодня, да вот и дети босые ходят у вас, – обувку сходим – купим...

Телятников жил бедно. Случай такой – одна удача. Никакому суду ничего он не передал, а Грошев сделал все так, как говорил.

Вскоре были именины Алексея Павлыча, Лушина отца. Позвали и Лушу с Грошевым, хотели в этот вечер замириться, да настоять, чтобы обвенчался он с Лушей. Сидели. Выпивали. О венчанье все еще не говорили, а так уж нализались все, что было, пожалуй, и не до разговоров серьезных:

– Играй, Степка! – командовал Грошев Степану Иванычу своему делопроизводителю, отличному гармонисту, которо-

го везде возил за собой.

– Сейчас, Пал Палыч, сию минуту...

– Живо, живо!..

– Степа начал, было, пробовать лады.

– Тебе что говорят, сукин сын? – заревел Грошев, – играй говорю!..

– А я пробуюсь...

– Вот тебе «пробую-с», – и Грошев с размаху ударил Степу по лицу, тот только сморщился от боли, но не шевельнулся и быстро-быстро заиграл любимую Грошева – «Ухар-Купца».

Все сидели смущенные, словно оплеванные...

Когда Степан окончил и робко глянув Грошеву в лицо, – примолк:

– Пей, Степка! – крикнул тот... – Нет погоди: раз, два, три!!!..

И он три раза плюнул в стакан:

– Пей!

И выжидающе замер над бедным Степой, который вдруг побледнел:

– Павел Павлыч, – взмолился он.

– Пей, сволочь!.. Али на биржу захотел, завтра же выгоню, опять собирать будешь... Ну?!

– Выпью, выпью, – заторопился Степа, вспомнив что-то страшное.

И он залпом осушил стакан.

Все сидели окостенелые. Арина Сергеевна заплакала и вы-

шла.

– А ты со мной выпьешь? – обратился он к Луше.

– Нет, я не хочу больше...

– Как не хочу?

– Не хочу, не могу, Павлуша, ты один...

– А... а... один... слышишь Степка? Один я... ха-ха-ха...

Нет, врешь, я не один, выпьешь и ты...

Луша робко глянула на отца и не узнала, так побагровело, перекосилось бешенством его лицо. Алексей Павлыч молчал, чего-то видимо ждал и не мешал Грошеву развивать буйную галиматью... Арина Сергеевна не возвращалась. Луша сидела дрожащая, с пробивавшимися сквозь ресницы слезинками.

– Пей, Лушка, не сердись!.. Али не женой пришла ко мне? Женой, спрашиваю, али нет? – вдруг повернулся он к Алексею Павлычу.

– Не давали! Сам взял! – не сказал, проскрежетал зубами Алексей Павлыч.

– Сам... ха-ха... Да сам, потому что так сам захотел...

– Эй, лишнего не говори! – угрожающе прорычал Алексей Павлыч.

– Лишнего не скажем, а что надо всегда скажу, так ли Степка?

Тот нервно задергался на стуле.

– А правду всегда скажу, – повторил Грошев, – и насчет студентов все скажу, потому что знаю... Шлюха, сволочь!.. –

бросил вдруг он в лицо Луше, рванул скатерть, и все полетело со стола.

Вдруг совершилось нечто совершенно неожиданное: Алексей Павлыч вырвался из-за стола, схватил широкими лапами Грошева под мышки, бросил его на кровать и быстро-быстро по бритой, полулысой голове зазвенел оплеухами.

Степа вдруг тоже сорвался, забежал сзади, смешно хихикнул, со всего размаху ударил Грошева ладонью по лбу и вдруг загрохотал всем пальцем:

– Не говорите, дескать, это я так...

И весь съезжился, побледнел, выбежал на двор и быстро-быстро начал забрасывать в рот полные пригоршни снега.

Алексей Павлыч до тех пор молотил Грошева, пока не отняли Арина Сергеевна с Лушей. Потом, по просьбе Луши, оттащили Грошева в другую комнату и привязали к кровати.

Именины окончились. На утро Луша под ручку со смущенным Пал Палычем уходила из дома радостно...

Так выжила она целых три месяца.

А потом, когда Грошев уехал как-то из города по делам, она имела долгий-долгий разговор с Ариной Сергеевной. И наконец решила оборвать эту муку. Снова сложила вещи и уехала в Дагестан. А приехавший Грошев, узнав в чем дело, рыдал, как ребенок, но поделывать уж ничего не мог.

Мученица Луша привыкла потом к мужу и говорила даже, будто любит его.



*1924 г.*